

ТАИНСВЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ

Читайте романы АННЫ КНЯЗЕВОЙ в серии «Таинственный детектив»:

Ключ от проклятой комнаты
Пленники старой Москвы
Тени Старого Арбата
Мсть Казановы

Дайнека. Игра в детектива

Сейф за картиной Коровина
Венецианское завещание
Роман без последней страницы
Подвеска Кончиты
Кольцо с тремя амурами
Наследница порочного графа
Хозяин шелковой куклы
Жертвы Плещеева озера
Монета скифского царя

Опасная территория.

**Полина Свирская
и Сергей Дуло**

Хранительница царских тайн
Копье чужой судьбы
Перстень Александра Пушкина
Роковое золото Колчака
Черный бриллиант Соньки
Золотой Ручки
Орден белых лилий
Мираж золотых рудников

Детективное ателье

Надежды Раух

Призраки Замоскворечья
Химеры картинной галереи
Зов темной крови

Лионелла Баландовская.

Светский детектив

Прощальный поцелуй Греты
Гарбо
Девушка из тихого омота
Убийство в декорациях
Чехова

Анна Стерхова.

**Расследование архивных
дел**

Песня черного ангела
Убийца возвращается дважды
В сентябре вода холодная

Ульяна Железняк.

Тени прошлого

Последний день лета
Лето не вечно

АННА КНЯЗЕВА

ВЕНЕЦИАНСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К54

Редактор серии *А. Антонова*

Серийное оформление *С. Курбатова*

Князева, Анна.

К54 Венецианское завещание : [роман] / Анна Князева. —
Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-197207-3

Дайнека открыла коробку, найденную в тайнике на чердаке бабушкиного дома. Она увидела пачку бумаг — в них повсюду мелькала буква «ять». Это была переписка художника Николая Бережного и баронессы Эйнауди, чей безнадежный роман трагически оборвался больше ста лет назад...

Едва справляясь с волнением, Дайнека аккуратно извлекла из конверта письмо баронессы. «Купчую высылаю Вам...», — писала та. Еще не развернув второй лист, Дайнека знала, что это оригинал. Купчая на особняк в Венеции, не имеющая срока давности...

Карнавальное безумие охватило площади, улочки и набережные Венеции. Рядом с Дайнекой оказались два типа в золотых масках. Черные, с опушкой, треуголки делали их похожими на гвардейцев какого-то зловещего ордена. Дайнека еще не знала, какой подарок для нее приготовил этот чужой итальянский город с нежным названием Венеция...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Князева А., 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197207-3

**АЭРОПОРТ ГОРОДА РИМИНИ. ИТАЛИЯ.
20 МАРТА, 15 ЧАСОВ 10 МИНУТ**

Привычный график аэропорта был безнадежно разрушен многочасовой задержкой чартерного рейса.

В зале второго этажа, где ожидали вылета не меньше трех сотен российских туристов, все вдруг разладилось и стало непредсказуемым.

Утомленные пассажиры бродили в поисках свободных кресел, а желающие поесть находили в буфете лишь замороженные полуфабрикаты и в лучшем случае могли рассчитывать только на чашку хорошего итальянского капучино.

Несколько человек в униформе прошли через зал к запасному выходу. Среди пассажиров пронесся слух, будто сработала пожарная сигнализация, и это пустячное происшествие подогрело и без того накаленную обстановку.

— Внимание, говорит флай-стюард авиакомпании Бестлайн. Чартерный рейс Римини — Москва задерживается. О времени вылета будет сообщено дополнительно.

Шум голосов затих, потом дружное многоголосие с новой силой взметнулось вверх и раскатилось по всему залу ожидания.

Пассажиры, покинувшие зону беспошлинной торговли, вновь возвращались туда.

В воздухе возникло и нарастало ощущение тревожного праздника. Отовсюду слышался звон бутылок. В кафе с грохотом сдвигали столы и тащили стулья. В буфете спешно готовили бутерброды...

Дайнека сидела в пластиковом кресле. Съезжая по скользкому сиденью вниз, она то и дело заталкивала себя обратно. В голове еще не уложились события последних дней. Того, что она пережила за эти дни, хватило бы на целую жизнь...

ГЛАВА 1

ЕЕ БОЛЬШЕ НЕТ...

Эта история началась в самом конце зимы, по-московски сыякотной и сырой. Ночь выдалась бессонной, за окном моросил дождь. Сквозь стекло был виден фонарь в сверкающем нимбе капель.

Пригревшись под одеялом, Дайнека размышляла о счастье и переменчивости судьбы, о суете и тщетности устремлений. О многом, не подозревая, что скоро все это покажется ей чистейшим вздором.

В пять утра в дверь позвонил отец.

Они мчались по безлюдным улицам навстречу городскому рассвету. Дайнека думала о том, что еще недавно они так же ехали в Брянск. В багажном отделении джипа лежала посуда, стулья и другие нужные для новоселья вещи.

Тогда баба Лиза возвращалась в дом, который когда-то принадлежал ее родителям и откуда в сорок первом, сразу после начала войны, их семья уехала в эвакуацию в Сибирь. Там она и осталась жить.

Два месяца назад бабушка сообщила, что возвращается в Брянск. Отец напрасно уговаривал ее дождаться весны. Казалось, Елизавета Петровна спешит завершить что-то очень важное в своей жизни.

В ее бывшем доме проживал друг детства, юрист, Станислав Казимирович Мачульский. «Пан Станіслав», так называла его баба Лиза, уступил ей правую половину дома за весьма скромные деньги.

Пустые комнаты казались заброшенными. Это особенно тронуло бабушку. Она гладила стены рукой, припадала к дверным косякам и с радостью повторяла:

— Я вернулась домой...

В первый же день Дайнека предложила залезть на чердак. Она знала, что перед эвакуацией бабушка спрятала там свою любимую куклу. Но Елизавета Петровна остановила ее.

— Не сейчас, — сказала она. — Мне теперь так хорошо. Не все сразу. Приедешь на каникулы — вместе найдем.

Машина подъехала к деревянному дому с решетчатым палисадником. На крыльце курил высокий старик. Затаившись в последний раз, он выкинул сигарету и спустился вниз.

— Наконец-то приехали... Такое горе...

Дайнека приникла к пану Станіславу. Потом подошел отец, и они отправились в дом.

В сенях толпились незнакомые люди. Дайнека не видела ни одного лица, она застыла на пороге комнаты, где стоял гроб с телом бабушки. Вячеслав Алексеевич прошел дальше и сел в изголовье.

За спиной Дайнеки раздался шепот:

— Сын приехал... Он еще не знает? Ему не сказали?..

— Прикуси язык, балаболка... — оборвал женщину пан Станіслав.

Дайнека насторожилась.

— Иди сюда, — раздался голос отца.

Она зашла в комнату и села рядом.

— Попрощайся с бабушкой.

Вячеслав Алексеевич обнял дочь, и она снова заплакала.

Спустя какое-то время пан Станіслав сказал:

— Пора...

— Так скоро? — спросил Вячеслав Алексеевич.

— И так задержали...

— Прошу, дайте мне еще пять минут.

Вячеслав Алексеевич испушенно смотрел в лицо матери. Дайнека тоже подняла взгляд.

То, что она увидела, вызвало у нее нервный озноб.

Из комнаты, где продолжались поминки, доносились приглушенные голоса и вежливый звон посуды.

Вячеслав Алексеевич сидел у кухонного окна, Дайнека стояла рядом, прислонившись к стене. На ней было узкое черное платье. При том, что выглядела она худенькой, от лица веяло свежестью. Короткие темные волосы приглажены без затей. Резко очерченные, чуть полноватые губы сдержанно сжаты, отчего в уголках залегли скорбные складки.

Пан Станіслав говорил тихо, будто сам для себя:

— В тот день я поехал к сыну. Они с женой уехали в санаторий, а мне поручили присматривать за квартирой. Через три дня вернулся, чтобы навестить Лизу... Она умерла во сне. Врачи говорят — сердце. — Пан Станіслав закашлялся и продолжил виноватым тоном: — У нее не осталось здесь знакомых, Лиза редко выходила на улицу. «Я слишком долго не была дома», — сказала она как-то. И я хорошо ее пони-

маю... вернее, понимал, — поправился он. — Наверное, вы не знаете, незадолго до смерти Лизу увезли в больницу... сердечная недостаточность.

— Почему вы не сообщили мне? — Вячеслав Алексеевич закрыл глаза, стараясь подавить подступившие слезы.

— Ты же знаешь свою мать. Она запретила. Так вот... через два дня Лиза позвонила и попросила ее забрать. Она очень хотела домой.

— Вы исполнили ее просьбу?

— Я не мог отказать ей. Когда Лиза вернулась, она заметила, что в доме кто-то побывал. Я тогда не поверил. Она и раньше рассказывала, что слышит по ночам какие-то звуки. Однажды ей почудилось, будто по чердаку кто-то ходит. — Он горестно покачал головой. — Но я не поверил.

— Вы или ваши близкие ничего странного не замечали? — спросил Вячеслав Алексеевич.

— После того, как уехал внук, кроме меня, в доме остался только кот. Я много времени провожу на работе. В это трудно поверить, ведь мне уже семьдесят пять. Пока есть возможность, стараюсь помогать детям. Сам знаешь, какие заработки в провинции...

— Простите, — прервал его Вячеслав Алексеевич. — Мы остановились на том, что в отсутствие матери кто-то побывал в доме. У нее что-то пропало?

— В том-то и дело — ничего. — Пан Станіслав достал из кармана пачку сигарет. — У тебя не найдется огонька? — спросил он у Вячеслава Алексеевича и, когда тот покачал головой, сунул сигареты обратно.

— Вы заявили в полицию?

— И не говори мне об этих... — Старик выпрямил спину. — Пся крев! Знаешь, о чем они спросили? Часто ли твоя мать прикладывалась к бутылке! И это о Лизоньке... Пся крев!!

— Значит — нет. — Вячеслав Алексеевич посмотрел в окно. — Моя мать не была выжившей из ума старухой. И если она сказала, что здесь кто-то побывал, значит, это правда.

— Мне больно думать о том, что Лиза три дня лежала мертвая, одна в этом холодном доме...

Не сдержавшись, старик всхлипнул. Вячеслав Алексеевич встал и положил руки на его поникшие плечи.

— Пся крев... — Пан Станіслав вытер ладонью слезы. — Иди, Слава, к столу, помяни Лизоньку, я приду позже.

Отец вышел из кухни, Дайнека осталась со стариком.

— Знаю, тяжело. Посиди... — сказал он. — Бабушка очень любила тебя.

— Я тоже ее любила.

— Месяц назад она составила завещание. Свою половину дома оставила тебе. Не забывай ее...

— Не забуду.

— Лизоньке было здесь хорошо. Жаль, что недолго. — Старик вспомнил. — Я должен отдать тебе ее документы.

— Какие документы?

— Семейный архив. Вернее, часть архива. По просьбе твоей бабушки документы хранились в моем сейфе. Вчера я принес их из нотариальной конторы.

— Все еще там работаете?

— Буду работать, пока ходят ноги.

В кухню вернулся отец:

— Все разошлись. Осталась только соседка, она вымоет посуду и принесет ключи. Станислав Казимирович, я благодарен вам за все, если бы вы сообщили мне раньше...

— Не стоит благодарностей, Слава. Времени было в обрез, к тому же это — мой долг.

Мачульский тяжело поднялся со стула. Темный костюм подчеркивал врожденное благородство осанки. Он совершенно выпадал из кухонного антуража. Породистый профиль, аккуратно подстриженные седые волосы...

Взглянув в лицо старика, Дайнека вдруг поняла, что он с трудом стоит на ногах.

Пан Станіслав покачнулся, медленно опустился на стул и начал заваливаться на бок. Он удивленно повел глазами, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя.

Дайнека бросилась к нему.

— «Скорую!» Немедленно вызывайте «Скорую!» — завопила она испуганно.

ГЛАВА 2

СТАРОЕ ПИСЬМО

Отец уехал в Москву вечером, когда окончательно выяснилось, что Мачульскому ничего страшного не грозит. Дайнека осталась, пообещав, что вернется домой поездом и, конечно же, будет держать отца в курсе событий.

Несколько часов, которые пришлось провести у постели пана Станіслава, показались ей вечностью.

Как только старик уснул, Дайнека решила, что он умирает. Она смотрела не отрываясь на его бледные веки, надеясь заметить хоть какое-то движение. Несколько раз они подрагивали, но глаза не открывались.

Дайнека вскакивала с кресла, в смятении металась по комнате, потом садилась и снова смотрела в бескровное лицо старика.

Она вышла только на пять минут для того, чтобы покормить кота, а когда вернулась, увидела, что больной проснулся.

— Господи... наконец-то.

— Что, испугал я тебя?..

— Ерунда, — с притворной беспечностью отмахнулась она, и только глаза выдавали ее тревогу. — Если хотите, я что-нибудь приготовлю.

— Сиди... — сказал пан Станіслав. — Я не хочу есть. Давай лучше поговорим. Только придвинься ближе... глуховат я стал... Слабость, да еще этот шум в ушах...

Она покорно придвинула кресло, Мачульский взял с тумбочки коричневый бумажный пакет и положил на ее колени.

— Вот, — сказал он, — пришло твое время...

Дайнека поежилась. В доме топилась печь, но сквозняк совсем выстудил комнату.

— Здесь что-то ценное? — спросила она.

— Нет. Ничего особенно ценного... Ничего ценного для постороннего человека. Для тебя, напротив, — история твоей семьи. Это не весь архив. Часть его была утеряна во время эвакуации: осталась в брошенном доме. Так сказала Лиза... — Он на мгновение прикрыл глаза. — Великий Боже... Ее больше нет.

— Вы хорошо знали бабушкиных родителей?

— Я тогда был совсем ребенком, как и Лиза (она всего на один год старше меня). Мы учились в одной школе, и я был влюблен в нее.

Дом, как и теперь, был разделен на две части. В этой половине жила Полина, Лизина тетка. Ваша семья занимала правое крыло дома. Мать Лизы, тетя Груша, не работала. Отец был начальником сталелитейного цеха. Когда я приходил в гости, меня усаживали за стол и непременно кормили. Вернее, подкармливали... В польских семьях всегда много детей. В нашей их было восемь, и я — старший. Жили впроголодь... Если бы не твоя прабабушка, не стать мне таким крепким.

В сорок первом ваша семья уехала в эвакуацию, а мы, как тогда говорили, остались «под немцем». Я не успел попрощаться с Лизой. Когда прибежал, их грузовик уже сворачивал за угол в конце улицы. Дверь была распахнута настежь, а в доме хозяйничали мародеры. Я стал свидетелем того, как срывают с окон шторы, как разрушают то, что было для меня так дорого...

Пан Станіслав не договорил. Дайнека видела, что воспоминания причиняют ему боль.

— Меня тогда крепко побили, — снова заговорил он. — Я никогда не забывал Лизу. Думал, что расстанемся ненадолго, а оказалось — на всю жизнь. Встретились мы лет через тридцать, она была замужем, я — женат. К тому времени, когда умер твой дед, я тоже остался один и не раз просил Лизу переехать в Брянск. Но ты и твой отец еще жили в Красноярске, и она всякий раз мне отказывала.

После ее возвращения сюда мы много времени проводили вместе. О чем только не говорили! Как-то Лиза рассказала, что отец ее матери был известным московским архитектором. Фамилия — Бережной, а вот имени не припомню. Хотя постой... Лизину мать звали Агриппиной Михайловной, значит — Михаил Бережной. Точно... Он был намного старше своей жены, женился на ней, будучи вдовцом. От первого брака у него оставался взрослый сын, который трагически погиб. Это таинственная история, о которой в доме никогда не говорили. Однако я помню случай, когда вечером в саду тетя Груша читала вслух какие-то письма. Кажется, адресованные погибшему. Его звали Николай. Говорили, он был талантливым художником. Мне на всю жизнь запомнилась одна фраза из того письма:

«Душа моя плачет и рвется туда, где Вы. Мне невыносимо думать, что Вы уехали не простившись».

Красивые слова, их могла написать только любящая женщина...

— Станислав Казимирыч, — Дайнека замылась, — сегодня я услышала странную фразу. Какая-то женщина сказала, что папе должны сообщить нечто важное, связанное со смертью бабушки.

Старик досадливо крикнул.

— Не обращай внимания. Все это досужие домыслы и сплетни. По принципу «одна баба сказала». Соседка из дома напротив видела, как в день смерти к твоей бабушке приходил какой-то мужчина. На этом основании «сарафан-

ное радио» объявило, что Лизу убили, хотя медицинское заключение говорит о том, что произошла остановка сердца.

— Но у нее было такое синее лицо... и нижняя губа насквозь прокушена... — Дайнека страдальчески сморщилась, стараясь больше не плакать.

— К сожалению, именно так заканчиваются сердечные приступы. Я спрашивал соседку, но не услышал от нее ничего вразумительного. Она даже не помнит, как выглядел тот мужчина. Есть только один факт, который действительно встревожил меня. Та же соседка утверждает, что ночью в доме включали электрический фонарик. Это произошло тогда, когда, по заключению медэкспертизы, Лиза уже была мертва.

Уставившись в одну точку, Станислав Казимирович покачал головой.

— Что ж, ничего не поделаешь... — Он перевел глаза на девушку. — Прости меня, девочка, задержал я тебя. Завтра утром езжай домой. Тебе, верно, на занятия нужно...

— Сейчас в университете каникулы.

Пан Станіслав опустил веки.

— Поздно уже... иди... постелишь себе в комнате внука... спокойной ночи.

Дайнека продолжала сидеть, прислушиваясь к дыханию старика, пока не поняла, что он спит.

Часы в гостиной показывали начало первого. За окном царил беспросветная тьма. В соседних дворах, как в деревне, на разные голоса перебрехивались собаки.

Дайнека прошла в комнату, где ей предстояло провести ночь. На стене в деревянной рамке висела большая фотография хозяина комнаты — Костика. Внешность его была

более чем прозаической и лишенной какого бы то ни было романтизма: курносый, расплывшийся нос, одутловатые щеки и белокурые волнистые волосы. К сожалению, Константин Мачульский не унаследовал от своего деда ни подтянутой фигуры, ни благородного горбоносого профиля польских шляхтичей.

Дайнека никогда не видела Костика. Но знала, что он учится на юридическом факультете в Москве, а на каникулах подрабатывает в нотариальной конторе своего деда.

Она уселась за письменный стол и, положив перед собой пакет, вскрыла его. Внутри было много разных бумаг. Свидетельства о рождении, старинные фотографии в причудливых паспарту, пожелтевшие аттестаты с выведенными перьевой ручкой оценками, почетные грамоты и прочие семейные раритеты.

Увидев старинный сертификат на рояль «Блютнер», Дайнека вспомнила бабушкин рассказ о том, что во время войны рояль остался в их брошенном доме. Что с ним случилось? Возможно, теперь он украшает гостиную немецкого дома, а может быть, догнивает в деревенском сарае.

Наконец в ее руки попал затертый розовый конверт, подписанный по-русски и по-итальянски. Отправительницей значилась баронесса фон Эйнаути Екатерина Алексеевна из Венеции. Письмо было адресовано Николаю Михайловичу Бережному. Именно так, по словам пана Станіслава, звали бабушкиного дядю по материнской линии.

Дайнека достала из конверта листок, он почти распадался на месте сгиба. Строки на пожелтевшей бумаге были написаны уверенной рукой.

1898 г. Сентября 21. Венеция.

Спасибо, милый друг, Николай Михайлович, что нашли время написать мне. Вчера получила Ваше хорошее письмо.

Вы желаете услышать от меня несколько венецианских новостей, но что Вы прикажете сказать о городе, где, что ни день, все одно и то же. Звон с колоколен и громкие окрики гондольеров — вот и все наши новости. На днях появилась здесь Наталья Петровна Мещерская.

«...как ангел прекрасна, как демон коварна и зла...»

От нее я узнала, что Вы все еще в Москве и здоровы.

Еще Вы желаете знать, как состоялось мое путешествие из Петербурга в Венецию. Благополучно, но монотонно. Вот и все, что я могу Вам сообщить любопытного.

Памятуя о Вашем давнем желании приехать в Венецию пансионером Академии художеств, могу дать наставление, которое, надеюсь, поможет Вам избежать в дороге многих бед.

Никогда не путешествуйте с круговым билетом, ежели не хотите, чтобы вас непрестанно поторапливали и тем досаждали.

Избегайте доверяться поездной прислуге, особливо если она знает, что вы русский. Очень гадко и грустно наблюдать за тем, как жадны и без нужды лживы. Против ласковых и веселых итальянцев все прочие европейские люди скучны и на одно лицо.

Искусство здесь — увы! От иных полотен веет холодом и смертью хотя бы потому, что все здесь заняты соору-

жением и украшением могильных склепов. Но возможно, Вы найдете в Венеции для себя большую перемену.

Я пишу в кабинете, и передо мною рисунок, что Вы подарили. Голубчик, не пишете больше о чувствах. Во мне уже нет прежнего женского тщеславия, когда речь идет о Вас. Вы совсем особенный человек, и любить Вам должно особенную женщину. Я настаиваю на этом, и ежели даже это не умно, делаю так, потому что должно. Внушите себе, чтобы смотреть на меня как на друга или родню.

О многом писать не стану, не все же разом. В следующем письме я Вам еще о чем-нибудь расскажу.

*Вы мне дороги и милы, и моя дружба к Вам неизменна.
Ваша Екатерина фон Эйнауди*

ГЛАВА 3

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Дайнека выключила свет и подошла к окну. За стеклом беспокойно колыхались голые ветви деревьев. Февральский ветер набирал силу, старый дом вздрагивал, отзываясь на его злые порывы.

Отчего-то сделалось грустно.

Она думала о Николае Бережном и баронессе Эйнауди. Ей казалось, что на пути этих двоих возникли непреодолимые препятствия. Женщина наверняка была замужем и, как указывал на то ее титул — за итальянским аристократом.

«Интересно, побывал Николай Бережной в Венеции или нет?»

Дайнека прижалась лбом к оконному стеклу, увидела отражение своего лица и вздохнула. Запотевшее стекло скрыло ее черты.

«Как это похоже на смерть...»

Она закрыла глаза: «Он жив, я знаю. Он жив».

Дайнека никогда не переставала думать о Джамиле. Она помнила его светлые волосы и сильные плечи. Помнила, как он двигался, как засыпал, как любил. Помнила каждое прикосновение, то, как он смотрел на нее, и какие у него глаза — серые и немного больные. Она и теперь чувствовала на себе взгляд Джамии.

Он был для нее как пришелец с другой планеты, так был ни на кого не похож. Это он сложил ее как мозаику, заставил себя понять и полюбить со всей страстью души.

Дайнека не забыла ни одной подробности из того, что с ними случилось. В том августе, год назад, она прожила долгую жизнь, полную любви и страха, счастья и невыносимой боли. Встретив любовь, она тут же ее потеряла без всякой надежды обрести вновь.

— Ты жив, я верю, что ты жив. У моей любви есть только одно имя... Джамиль, — прошептала она и, не раздеваясь, легла на кровать.

Дайнека долго лежала в темноте. Смотрела на то, как двигались на потолке тени от ветвей деревьев. Они походили на копошащийся клубок змей. А когда «змеи» стали расплзаться по стенам, в ее груди учащенно забились сердце: она услышала осторожные шаги, доносившиеся из другой половины дома, где еще недавно жила ее бабушка Елизавета Петровна.